

DOI: 10.31857/S013038640028069-3

© 2023 г. Д.В. СТЕРХОВ

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В ПРУССИИ В ПЕРИОД ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ВОЙН 1813–1815 годов

Стерхов Дмитрий Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: dmitrii.sterkhov1987@gmail.com

Scopus Author ID: 57202980490; *ORCID:* 0000-0003-3173-793X

Аннотация. Статья посвящена изучению первой в истории Пруссии массовой мобилизации, осуществленной прусским правительством во время Освободительных войн 1813–1815 гг. Цель статьи заключается в том, чтобы оценить успешность военной мобилизации в Пруссии и ответить на вопрос, получила ли прусская политическая элита поддержку населения в военных действиях против наполеоновской Франции. Методологически исследование опирается на теорию модернизации, согласно которой в период Наполеоновских войн в странах Европы вводилась всеобщая воинская повинность и формировались массовые армии, характерные для современного общества. В вводной части статьи оцениваются общие причины, побудившие правительство короля Фридриха Вильгельма III ввести всеобщую воинскую повинность в Пруссии весной 1813 г., при этом особое внимание уделяется военным преобразованиям Г. фон Шарнхорста, Г. фон Бойена и других реформаторов. В основной части статьи исследуется законодательная база, которая была положена в основу военной мобилизации, в частности королевские указы об отмене освобождений от воинской службы и о формировании добровольческих корпусов, Ландвера и Ландштурма. Отдельно анализируется социальный состав мобилизуемых в прусскую армию и их происхождение по провинциям. Во второй части статьи рассматривается организация патриотической пропаганды, без нее массовая мобилизация населения была бы невозможна, осуществлявшаяся через официальные прокламации, газетные статьи, памфлеты, листовки, брошюры, политическую лирику и проповеди. Следует отметить, что прусские власти не ограничились только лишь мобилизацией мужчин, но также пытались привлечь к патриотической и благотворительной деятельности женщин. В заключение дается общая оценка мобилизации, весьма успешной и эффективной, что нашло отражение в законодательном закреплении всеобщей воинской повинности, создании пантеона погибших на поле боя защитников Отечества и превращении Пруссии в признанного лидера среди всех немецких государств.

Ключевые слова: Освободительные войны, Наполеоновские войны, мобилизация, всеобщая воинская повинность, Пруссия, Гогенцоллерны, патриотизм, модернизация.

D.V. Sterkhov

Military and Patriotic Mobilisation in Prussia During the Liberations Wars of 1813–1815

Dmitrii Sterkhov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: dmitrii.sterkhov1987@gmail.com

Scopus Author ID: 57202980490; *ORCID:* 0000-0003-3173-793X

Abstract. The author focuses on the first mass mobilisation in Prussia carried out by the Prussian government during the Liberation Wars of 1813–1815. He aims to answer the question of how successful this mobilisation was and whether the Prussian political elite managed to obtain the popular support for the war against Napoleonic France. Methodologically, the study is based on the theory of modernisation, according to which, during the Napoleonic Wars, universal conscription was introduced in the countries of Europe and modern mass warfare emerged. The introduction deals with the general causes prompting the government of the Prussian King Frederick William III to introduce the universal conscription in Prussia in the spring of 1813. The author pays attention to the military reforms conducted by Gerhard von Scharnhorst, Hermann von Boyen and other reformers. He focuses on legislative acts of March and April 1813 which laid the foundation for the mass mobilisation in Prussia, namely royal decrees abolishing all exemptions from the military service and establishing voluntary detachments or the Prussian National Militia (Landwehr and Landsturm). The author also analyses the social and provincial origin of those who were mobilised in the Prussian army. In the second part of the article, he considers the organisation of the patriotic propaganda which was indispensable for the mass mobilisation. To this end, he examines official governmental proclamations, newspaper articles, pamphlets, leaflets, brochures, political lyrics, and sermons. He emphasises that not only men were supposed to be mobilised for the needs of war but women as well. He concludes that the first mass mobilisation in Prussia in 1813–1815 turned out to be highly successful and effective. The Prussian government managed to mobilise large groups of people within a very short period of time. The universal conscription became law in 1814, and the pantheon of national heroes who died for the freedom of the Fatherland was created. The massive public support for the war against Napoleon significantly contributed to Prussia's rapid rise to the leading power among all German states.

Keywords: Liberation Wars, Napoleonic Wars, mobilisation, universal conscription, Prussia, Hohenzollerns, patriotism, modernisation.

Освободительные войны 1813–1815 гг. занимают особое место в истории прусского государства. Именно тогда в Пруссии впервые была введена всеобщая воинская повинность и проведена всеобщая мобилизация. Исследователи сходятся во мнении, что персональная воинская повинность для мужчин, впервые введенная в революционной Франции в 1790-е годы, является результатом широкомасштабного процесса модернизации, охватившего многие европейские страны на рубеже XVIII–XIX вв.¹ Пруссия, будучи великой европейской державой, все же не находилась в авангарде модернизационного процесса. К началу Революционных и Наполеоновских войн в Европе прусская военная организация, базировавшаяся на Кантональном регламенте 1733 г., сильно устарела. По кантональной системе рекруты набирались по спискам от определенного числа крестьянских дворов, при этом от повинности освобождались не только широкие слои населения (торговцы, ремесленники, чиновники, духовенство), но также целые города и провинции. В этой связи широко практиковалось рекрутирование иностранцев, которые составляли почти половину солдат прусской армии. В офицерском корпусе безраздельно господствовало дворянство, число лиц недворянского происхождения среди офицеров было незначительным. Прусская армия славилась жесткой муштрой, строжайшей дисциплиной, суровыми телесными наказаниями за любое неповиновение и полным отсутствием самостоятельности и инициативы со стороны как солдат, так и офицеров. Неудивительно, что военная служба не пользовалась популярностью, а армия воспринималась как институт угнетения и насилия. Между прусской армией как эксклюзивной корпоративной организацией и гражданским обществом пролежала пропасть.

Успехи революционной и наполеоновской Франции в войнах против европейских монархий наглядно продемонстрировали недостатки устаревшей кантональной системы. Как в Пруссии, так и в других немецких государствах передовые и прогрессивно мыслящие офицеры стали выступать за модернизацию военной системы по французскому

¹ Frevert U. Die kasernierte Nation. Militärdienst und Zivilgesellschaft in Deutschland. München, 2001. S. 18.

образцу и введение всеобщей воинской повинности, к их числу относились военные историки Г.Г. фон Беренхорст и А.Г. фон Бюлов, а также генералы И.Ф. фон Декен, Э. фон Рюхель, К.Ф. фон дем Кнезебек, Г. фон Шарнхорст². Но прусское правительство во главе с королем Фридрихом Вильгельмом III (1797—1840) не решалось на столь радикальные преобразования. Лишь сокрушительное поражение Пруссии в войне Четвертой коалиции 1806—1807 гг. вынудило кардинально преобразовать всю военную систему. Возможность получить офицерское звание лицам недворянского происхождения, отмена унижительных телесных наказаний для солдат, продвижение по службе за заслуги, а не за знатность происхождения или выслугу лет, запрет найма иностранцев на военную службу, отказ от линейной тактики и внедрение новых методов ведения боя, введение системы «крюмперства», т.е. регулярного краткосрочного обучения резервистов, — вот лишь некоторые из военных преобразований, проведенных Г. фон Шарнхорстом, Г. фон Бойеном, К. фон Клаузевицем, А. фон Гнейзенау и другими реформаторами в 1808—1812 гг. Они же предлагали ввести всеобщую воинскую повинность, проведение тотальной мобилизации населения с целью свержения наполеоновского господства. Однако предложения реформаторов 1808 и 1811 гг. поднять всенародное вооруженное восстание против Наполеона не были поддержаны Фридрихом Вильгельмом III. Более того, в 1812 г. Пруссия стала союзницей Франции в войне против России и предоставила Наполеону войска и ресурсы для похода. Лишь катастрофа наполеоновской Великой армии в России и появление русских войск в Восточной Пруссии и ее столице — Кёнигсберге — побудили прусского короля разорвать союз с Бонапартом и перейти на сторону российского императора Александра I. 28 февраля 1813 г. Пруссия и Россия подписывают Калишский союзный договор, оформивший Шестую антифранцузскую коалицию, а 16 марта Фридрих Вильгельм III объявил Наполеону войну.

Осознание невозможности победить Наполеона, ведя войну «по-старому», побудило после долгих раздумий и колебаний прусского короля дать согласие на проведение всеобщей мобилизации. Такое решение требовало создания законодательной базы, организации мобилизации в отдельных провинциях, что следовало подкрепить патриотической пропагандой, дабы создать в массовом сознании образ солдата — защитника Отечества с целью мотивировать мужское население вступать в ряды вооруженных сил. Необходимо было также заручиться поддержкой военных целей государства гражданским населением, сформировать у не подлежащих военному призыву готовность нести материальные жертвы для победы над врагом. В статье будет рассмотрено, каким образом прусское правительство решало эти задачи и с какими проблемами и сложностями оно сталкивалось. Цель работы — дать общую оценку первой в истории Пруссии военной мобилизации и определить, насколько она была успешной и как именно она модернизировала военную систему прусского государства. Исследование опирается на широкий круг источников, в первую очередь акты и документы официального происхождения, а также преимущественно немецкоязычную историографию. В отечественной историографии организация военной мобилизации в Пруссии в годы Освободительных войн, как правило, не рассматривалась как самостоятельная проблема, а изучалась в контексте военных реформ начала XIX в.³, при этом акцент обычно делался на провинцию Восточная Пруссия⁴.

² Kernic F. Krieg, Gesellschaft und Militär. Eine kultur- und ideengeschichtliche Spurensuche. Baden-Baden, 2001. S. 217.

³ Апостолова Т.М. Военная реформа в Пруссии в эпоху наполеоновских войн (1807—1815 гг.). М., 1994; Кирилина Л.А. Реформы в Пруссии (1807—1821) // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. 2001: реформы и реформаторы. М., 2002. С. 41—53.

⁴ Панченко А.А. Восточная Пруссия: 1813 год (к вопросу об освобождении Прусского королевства от наполеоновского господства) // Отечественная война 1812 года и российская провинция. События. Люди. Памятники: материалы Всероссийской научной конференции. Малоярославец, 2004. С. 104—115; Его же. От «несчастливой войны» к освобождению от наполеоновского господства: Восточная Пруссия в 1806—1813 гг. Калининград, 2007.

Как ни странно, но военная мобилизация в королевстве началась против воли и без участия самого короля. В ночь с 5 на 6 февраля 1813 г. русские войска вошли в Кёнигсберг, а к концу месяца полностью очистили Восточную Пруссию от французов. Фактическими наместниками провинции к этому времени стали барон Г.Ф.К. фон унд цум Штайн и военачальник И.Д.Л. фон Йорк. По их инициативе был создан орган местного представительства — ландтаг, на котором 5 февраля 1813 г. было принято решение о создании народного ополчения в 20 тыс. человек. Как отмечает Г.В. Кретинин, примером для населения Восточной Пруссии служили петербургские и новгородские ополченцы, участвовавшие в освобождении провинции от французов⁵. Подготовка народной войны проходила без участия берлинского правительства, которое формально оставалось союзником Наполеона. Угроза потери контроля над ситуацией во многом подвигла Фридриха Вильгельма III взять курс на разрыв с Францией и начать готовиться к полномасштабной войне. 9 февраля 1813 г. был издан составленный фон Шарнхорстом указ об отмене всех освобождений от военной службы в военное время. Указ вводил персональную воинскую повинность для всех прусских мужчин от 17 до 24 лет⁶. Всем, подлежащим мобилизации, предлагалось в течение восьми дней со дня публикации указа явиться добровольно в местный орган власти и выбрать род войск для службы — пехоту, кавалерию или артиллерию. Те же, кто явятся после этого срока, будут приписаны к тому или иному полку или батальону по решению военных властей. Изданный шесть днями ранее, 3 февраля 1813 г., королевский указ о создании егерских корпусов предполагал добровольное вступление в них ранее освобожденных от военной службы мужчин, правда, вооружать и снабжать себя они должны были самостоятельно. Бойцам добровольческих корпусов предоставлялись многочисленные привилегии, в частности право самостоятельно избирать себе офицеров, освобождение от гарнизонной службы, приоритет в назначении на государственные должности после окончания военной службы и т.д.⁷

Следующим важным шагом к введению всеобщей воинской повинности стал указ Фридриха Вильгельма III от 17 марта 1813 г. о создании прусской национальной милиции — Ландвера. Все мужчин от 17 до 40 лет, не служащие в регулярной армии или в добровольческих корпусах, должны были добровольно вступать в подразделение. Если добровольцев не хватало, то из лиц указанного возраста добирали недостающее количество по жребию. За уклонение от службы предусматривались наказания⁸. Для четкого исполнения проведения мобилизации в Ландвер указом от 15 марта 1813 г. создавались четыре военных губернаторства: между Эльбой и Одером с центром в Берлине, между Одером и Вислой с центром в Старгарде, между Вислой и русской границей с центром в Кёнигсберге и Силезское с центром во Вроцлаве. В ноябре 1813 г. к ним добавились военное губернаторство между Эльбой и Везером с центром в Галле, позднее Хальберштадте, и военное губернаторство между Везером и Рейном с центром в Миндене, позднее Мюнстере⁹. Главы военных губернаторств несли ответственность за рекрутирование, вооружение и снабжение солдат Ландвера, непосредственно за мобилизацию отвечали власти провинциальных округов, на которые делилось каждое военное губернаторство. В каждом округе создавался специальный комитет, куда входили по два депутата от дворян-землевладельцев и от горожан и крестьян. Именно эти комитеты вели списки подлежащих призыву мужчин, снабжали солдат Ландвера одеждой, провиантом и вооружением, назначали офицеров, осуществляли надзор над обучением мобилизованных и докладывали о ситуации на местах военному губернатору. Завершение призыва, распределение солдат по полкам и выборы офицеров

⁵ Очерки истории Восточной Пруссии / под ред. Г.В. Кретинина и др. Калининград, 2002. С. 289.

⁶ Verordnung über die Aufhebung der bisherigen Exemption von der Kantonpflichtigkeit für die Dauer des Krieges. Vom 9ten Februar 1813 // Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preußen Staaten. Berlin, 1813. S. 13.

⁷ Bekanntmachung in Betreff der zu errichtenden Jägerdetachements. Vom 3ten Februar 1813 // Ibid. S. 15–17.

⁸ Verordnung über die Organisation der Landwehr. Vom 17ten März 1813 // Ibid. S. 36.

⁹ Schmidt D. Die preußische Landwehr 1813. Berlin, 1987. S. 17–18.

должны были быть завершены к 15 апреля, вооружение и снабжение Ландвера — к 30 апреля, военное обучение — к 1 мая¹⁰. Однако финансовые и другие трудности нарушили эти сроки, мобилизация в Ландвер завершилась лишь к августу 1813 г.

Мобилизация военнообязанных в провинциях прусского государства проходила с различным успехом. Согласно статистическим данным, 42% всех мобилизованных происходили из Восточной Пруссии, 20% — из центральных районов Бранденбурга (Курмарк, Миттельмарк), 15% — из Силезии, 9% — из Померании, 7% — из Западной Пруссии, 1% — из Литвы¹¹. Очень мало людей удалось призвать из военных губернаторств на Западе Германии — между Эльбой и Везером, между Везером и Рейном, из Берга, Франкфурта. Население этих территорий активно сопротивлялось мобилизации и дезертировало из прусской армии. Схожую картину можно наблюдать и в отношении бойцов добровольческих формирований: 37% из них происходили из Бранденбурга, 19% — из Силезии, 13,4% — из Восточной Пруссии, 9% — из Померании, 7,3% — из бывшего Королевства Вестфалия, 4,7% — из Западной Пруссии, 5,1% — из Саксонии и Тюрингии. 82,8% всех добровольцев были уроженцами Пруссии, 17,2% — других немецких территорий¹². Легче мобилизация проходила в крупных городах, сложнее в сельской местности. Вероятнее всего, на ход мобилизации в Пруссии влияли такие факторы, как: религиозная и этническая принадлежность мобилизуемых (немецкоязычные протестанты охотнее вступали в ряды добровольческих отрядов и Ландвера, чем немцы-католики (Силезия), поляки (Силезия, Западная Пруссия), кашубы (Померания)); династическая лояльность монархии Гогенцоллернов; опыт общения местного населения с французскими оккупационными войсками (Восточная Пруссия стала зимой 1812/13 г. ареной военных действий между русскими и французами, здесь были сильны антифранцузские настроения). Неоднородным был и социальный состав мобилизуемых. Так, среди добровольцев преобладали городские ремесленники (41%), с заметным отрывом — торговые служащие и купцы (10%), чиновничество низшего и среднего звена (8%), студенты (7%), чиновники высшего звена (5%). Таким образом, среди добровольцев не было вообще представителей городских низов и крестьянства, которые не имели возможности вооружить и обеспечить себя самостоятельно. Среди мобилизованных в Ландвер основной костяк (74%) составляли высшие и средние городские слои и зажиточное крестьянство, затем следовали представители среднего и бедного крестьянства (15%) и образованные слои населения (студенты, школьные учителя, врачи — 12%)¹³. На неоднородность мобилизации влияла специфика той или иной провинции.

Наконец, 21 апреля 1813 г. был издан составленный генералом фон Шарнхорстом указ Фридриха Вильгельма III о создании народного ополчения — Ландштурма — куда приписывалось все мужское население от 15 до 60 лет, не призванное ни в регулярную армию, ни в Ландвер, ни в добровольческие отряды. Ополчение созывалось в случае оккупации врагом той или иной провинции. Населению следовало оказывать максимальное сопротивление противнику: вести партизанскую войну, совершать точечные нападения на вражеские отряды, уничтожать запасы еды, сжигать дома, мосты и любые постройки стратегической важности, засыпать камнями колодцы и источники пресной воды и т.д.¹⁴ Таким образом, населению предписывалось применение тактики «выжженной земли», дабы нанести максимальный урон оккупанту. Таким образом, в апреле 1813 г. Пруссия максимально близко подошла к самой настоящей тотальной, всенародной, экзистенциальной

¹⁰ Hagemann K. "Männlicher Muth und deutsche Ehre". Nation, Militär und Geschlecht zur Zeit der Antinapoleonischen Kriege in Deutschland. Paderborn, 2000. S. 397.

¹¹ Hagemann K. Umkämpftes Gedächtnis. Die Antinapoleonischen Kriege in der deutschen Erinnerung. Paderborn, 2019. S. 74.

¹² Ibbeken R. Preußen 1807–1813. Staat und Volk als Idee und Wirklichkeit. Köln, 1970. S. 419.

¹³ Walter D. Meeting the French challenge. Conscription in Prussia, 1807–1815 // Conscription in the Napoleonic Era. A revolution in military affairs? / eds D. Stoker, F.C. Schneid, H.D. Blanton. New York, 2009. P. 188.

¹⁴ Verordnung über den Landsturm. Vom 21sten April 1813 // Gesetz-Sammlung. 1813. S. 79–80.

войне. Однако после героической смерти в июне 1813 г. Г. фон Шарнхорста, главного идеолога такой войны, прусское правительство все-таки отказалось от столь радикальных мер. Королевский указ от 17 июля 1813 г. фактически ликвидировал самостоятельность Ландштурма и низводил его до резерва для Ландвера, тем самым Ландштурм потерял свой статус как подлинно народная армия. В прусских городах вместо Ландштурма создавались отряды городской милиции, входившей в состав Ландвера¹⁵. Идея всенародного вооружения и тотальной войны против Наполеона, таким образом, осталась всего лишь на бумаге.

Несмотря на все трудности и сложности, с которыми столкнулось прусское государство, проводя мобилизацию, удалось достичь, казалось бы, невозможного — мобилизовать в армию, в том числе и на добровольных началах, те слои населения, что традиционно были освобождены от воинской повинности. В марте 1813 г. прусская регулярная армия насчитывала 60 тыс. человек, к ним добавлялось около 30 тыс. добровольцев и еще столько же военнослужащих, несущих гарнизонную службу, всего 120 тыс. человек¹⁶. В августе 1813 г. прусская армия насчитывала уже 245 тыс. человек, из них 119 тыс. (49,5%) состояли в регулярной армии, 113 тыс. (47%) — в Ландвере, 11 тыс. (4,5%) — в добровольческих отрядах. Весной 1814 г., после разгрома Наполеона и взятия Парижа, прусская армия насчитывала уже 300 тыс. человек, из них ровно половина (150 тыс.) служила к Ландвере и добровольческих корпусах¹⁷. При этом в отличие от фридрицианской армии XVIII в. практически все мобилизованные являлись уроженцами прусских провинций: 10% от всего мужского населения Пруссии (в 1806 г. в прусской армии служило едва ли 2% населения страны). Мобилизационные меры вводились прусским правительством в феврале—апреле 1813 г. лишь на время войны с Наполеоном, однако вскоре всеобщая воинская повинность стала постоянным институтом. 3 сентября 1814 г. военным министром Пруссии Г. фон Бойеном был издан Закон об обязательной воинской службе, закрепивший всеобщую воинскую повинность на законодательном уровне¹⁸. Тем самым Пруссия стала фактически единственным государством в Европе, где была закреплена персональная воинская повинность для мужчин в мирное время.

Всеобщая мобилизация в Пруссии была бы невозможна без активной национально-патриотической пропаганды. Перед прусским правительством стояла непростая задача: убедить население королевства в необходимости нести материальные и нематериальные жертвы ради победы над Наполеоном. Для достижения этой цели еще в январе 1813 г. в Пруссии были сняты практически все цензурные ограничения на политическую и публицистическую литературу, благодаря чему и стало возможным наладить мощную пропаганду. Пример подал сам Фридрих Вильгельм III, обратившийся к своим подданным 17 марта 1813 г. с манифестом «К моему народу», опубликованным три дня спустя в «Силезской привилегированной газете»¹⁹. Впервые в истории Пруссии государство обращалось к жителям с призывом поддержать военные действия против врага и выступить на защиту Отечества. В период Освободительных войн 1813—1815 гг. призывы и обращения к населению вообще стали одним из самых эффективных средств государственной пропаганды, к ним прибегало не только прусское правительство, но и русское военное командование, которое стремилось привлечь население немецких земель на свою сторону. К самым известным можно отнести обращения главнокомандующего русскими войсками графа П.Х. Витгенштейна к жителям Пруссии, Брауншвейг-Вольфенбюттеля, Гессен-Касселя

¹⁵ Verordnung vom 17ten Julius 1813. In Betreff der Modifikationen des Landsturm-Edikts vom 21sten April 1813 // Ibid. S. 89–90.

¹⁶ Walter D. Preußische Heeresreformen 1807–1870. Militärische Innovation und Mythos der “Roonschen Reform”. Paderborn, 2003. S. 275.

¹⁷ Ibid. S. 299.

¹⁸ Gesetz über die Verpflichtung zum Kriegsdienste. Vom 3ten September 1814 // Gesetz-Sammlung für die Königl. Preußischen Staaten. Berlin, 1814. S. 79–82.

¹⁹ Schlesische Privilegierte Zeitung. 20.III.1813.

и Ганновера и его же знаменитый манифест «К немецким юношам и мужчинам» от 11 (23) марта 1813 г.²⁰ К призывам и манифестам особенно активно прибегали прусские генералы А.Н. фон Гнейзенау и Г.Л. фон Блюхер, их самым знаменитым манифестом стало обращение «К жителям Саксонии» от 23 марта 1813 г.²¹ Подобные призывы и обращения к жителям немецких земель публиковались вплоть до победы над Наполеоном в битве под Лейпцигом в октябре 1813 г., после чего они стали терять актуальность, хотя прусское правительство еще будет прибегать к этому средству пропаганды, например во время второй войны с Наполеоном в 1815 г.²²

Не менее важным средством патриотической пропаганды стали многочисленные статьи в газетах и журналах, издаваемых в Пруссии и других немецких землях в 1813–1815 гг. Первыми антифранцузские статьи начали публиковать Königsberger Hartung'sche Zeitung в январе 1813 г. и Schlesische Privilegierte Zeitung в марте 1813 г., последняя стала настоящим рупором прусского правительства в рассматриваемый период. В апреле 1813 г. к антифранцузской пропаганде присоединились две крупнейшие газеты Берлина: Vossische Zeitung и Berlinische Nachrichten. Политические газеты и журналы издавались не только правительством, но и частными лицами. Большую популярность снискала политическая газета Preußischer Correspondent, основателем которой был крупный немецкий издатель Г. Раймер. Достаточно влиятельным был и основанный 1 апреля 1813 г. А. фон Коцебу журнал Russisch-Deutsches Volksblatt. В 1814–1815 гг. особую популярность снискал издаваемый Й. Гёрресом журнал Rheinischer Merkur. Данные газеты и журналы издавались, как правило, не очень большими тиражами, так самый большой был у Vossische Zeitung в 4 тыс. экземпляров, в то время как Preußischer Correspondent достигал лишь 800–900²³. В период Освободительных войн возник и совершенно новый тип газеты – военно-полевой газета. По инициативе канцлера Гарденберга в октябре 1813 г. была основана Preußische Feldzeitung, ориентированная в первую очередь на солдат и офицеров регулярной армии, Ландвера и добровольческих корпусов. Она издавалась два раза в неделю тиражом в 2 тыс. экземпляров, большая часть из которых бесплатно раздавалась солдатам, остаток продавался по символической цене в 2 гроша²⁴. Несмотря на весьма скромные тиражи, газеты и журналы оказывали большое влияние на общественное мнение прежде всего благодаря практике коллективного чтения в семейном кругу, на рабочем месте, в полку или в трактирах и кофейнях. Всего в немецкоязычных землях Центральной Европы, за исключением Австрии, в 1813–1815 гг. издавалось примерно 300 газет и 57 политико-исторических журналов²⁵.

Другим не менее эффективным средством пропаганды являлись памфлеты, листовки и небольшие публицистические сочинения, которые активно курсировали среди населения. Одним из первых, кто начал публиковать подобную повседневную политическую литературу, являлся известный писатель А. фон Коцебу. Его фарс «Речной бог Неман и кое-кто еще», опубликованный в декабре 1812 г. под покровительством русского военного командования, может считаться первым сатирическим памфлетом, получившим подлинную всенародную любовь²⁶. Одним из наиболее плодотворных и влиятельных авторов

²⁰ Das neue Deutschland. Enthaltend größtentheils freimüthige Berichte zur Geschichte der Bedrückung und der Wiederbefreiung Deutschlands. Bd. 1. St. 1. Berlin, 1813. S. 28–37.

²¹ An Sachsens Einwohner // Aktenstücke für die Deutschen, oder Sammlung aller officiellen Bekanntmachungen in dem Kriege von 1813. Erstes Heft. Dresden, 1813. S. 10–12.

²² Förster F. Neuere und neueste Preußische Geschichte. Fünfter Band. Berlin, 1866. S. 721–723.

²³ Wolfes M. Öffentlichkeit und Bürgergesellschaft. Friedrich Schlegels politische Wirksamkeit. T. 1. Berlin, 2004. S. 413.

²⁴ Hagemann K. “Männlicher Muth und deutsche Ehre”. S. 156.

²⁵ Kirchner J. Bibliographie der Zeitschriften des deutschen Sprachgebietes bis 1900. Stuttgart, 1969. S. 105–107.

²⁶ Lachhein S. Der Dichter und Noch Jemand. August von Kotzebues Kampf für die Freiheit // August von Kotzebue. Ein streitbarer und umstrittener Autor / Hrsg. von A. Košenina, H. Liivrand, K. Pappel. Hannover, 2017. S. 236–240.

памфлетов и листовок являлся, конечно же, поэт Э.М. Арндт. Его произведения 1813–1814 гг. печатались огромными тиражами и находили массовое распространение не только в Пруссии, но и в других немецких землях. Самым популярным его памфлетом стала написанная еще в феврале 1813 г. работа «Что означают Ландштурм и Ландвер», в которой Арндт активно выступал за массовую мобилизацию населения для борьбы с Наполеоном и введение всеобщей воинской повинности. Благодаря поддержке со стороны прусского правительства к июню 1815 г. эта работа Арндта была переиздана 20 раз и достигла немыслимого для того времени тиража почти что в 100 тыс. экземпляров. Вторая крупнейшая его работа, «Катехизис для немецкого воина и ополченца», была переработана им трижды, к концу 1815 г. выдержала 10 переизданий, ее тираж достиг 80 тыс. экземпляров²⁷. Коцебу и Арндт, безусловно, не являлись единственными крупными политическими авторами Пруссии и северной Германии в целом. Немецкой исследовательнице К. Хагеманн удалось собрать обширные биографические данные о 497 мужчинах и 19 женщинах, которые в 1813–1815 гг. являлись наиболее влиятельными авторами политических листовок, брошюр и памфлетов²⁸. Если учесть, что многие произведения в этот период публиковались анонимно, то можно предположить, что реальное число политически ангажированных публицистов, оказывавших большое влияние на общественное мнение, было значительно больше.

Еще одним популярным средством пропаганды в этот период являлась патриотическая лирика. Песни и стихи находили большой отклик среди простого населения, в первую очередь солдат, так как их можно было публично декламировать или коллективно распевать. Адресатом политической лирики, как правило, являлись малограмотные или совсем неграмотные средние и низшие слои населения, поэтому поэты часто использовали яркую образную лексику, чтобы сначала воздействовать на чувства и эмоции, а не обращаться к разуму. Лирику периода Освободительных войн можно разделить на три категории. Во-первых, это немецкая национальная лирика, яркими представителем которой являлся Арндт, чье стихотворение «Отечество немца» приобрело статус подлинного национального гимна²⁹. Политическая лирика предлагала в качестве мотивации борьбы против Наполеона защиту немецких национальных ценностей — языка, характера и т.д. Во-вторых, не менее популярной была так называемая «добровольческая лирика», нацеленная преимущественно на побуждение мужчин вступать в добровольческие формирования. К этому типу лирики относятся стихи Т. Кёрнера, молодого поэта и добровольца, погибшего в возрасте 21 года в 1813 г. К поэтам этого направления относится и Ф.Л. Ян, чей сборник стихов «Немецкие военные песни для Королевско-прусского добровольческого корпуса» приобрел невероятную популярность среди прусско-немецких добровольцев³⁰. К третьей, самой обширной группе относилась прусская земельно-патриотическая лирика, которая была адресована солдатам регулярной армии и Ландвера, в ней акцент делался на любви к королю и прусскому Отечеству как главным мотивам войны против Наполеона. Ярким представителем этого направления являлся поэт и писатель К. Хойн, опубликовавший в мае 1813 г. популярную «Песнь пруссаков». В монархическо-патриотическом духе были также сочинены анонимно напечатанные «Песни для прусских солдат» (1812), «Военные песни для королевско-прусских войск» (1813) и «Новые военные песни для прусской армии» (1815). Политическая лирика периода Освободительных войн была многофункциональна и предлагала различную мотивацию для юношей и мужчин принять участие в военных действиях

²⁷ Brandt B. *Germania und ihre Söhne. Repräsentation von Nation, Geschlecht und Politik in der Moderne*. Göttingen, 2010. S. 119.

²⁸ Hagemann K. «Männlicher Muth und deutsche Ehre». S. 162–170.

²⁹ Nieberle S. «Und Gott im Himmel Lieder singt»: Zur prekären Rezeption von Ernst Moritz Arndts *Des Deutschen Vaterland* // Ernst Moritz Arndt (1769–1860). *Deutscher Nationalismus – Europa – transatlantische Perspektiven* / Hrsg. von W. Erhart, A. Koch. Berlin, 2007. S. 124–125.

³⁰ *Deutsche Wehrlieder für das Königlich-Preußische Frei-Corps*. Berlin, 1813.

против наполеоновской Франции: от защиты всего немецкого Отечества до любви к королю и прусскому государству.

Не менее влиятельным средством пропаганды являлась политическая проповедь. Протестантское духовенство не подлежало призыву в армию, однако оно могло помочь с пропагандой выгодных прусскому государству идей. В середине марта 1813 г. руководитель секции культа и общественного образования прусского МВД Г.Г.Л. Николовиус обратился с призывом ко всем священникам королевства поддержать решение правительства объявить войну Наполеону и начать активную духовную мобилизацию среди своей паствы³¹. Протестантское духовенство охотно откликнулось на это обращение, о чем свидетельствует невероятное количество проповедей, опубликованных прусскими пасторами в 1813–1816 гг. Политическая проповедь могла оказать большое влияние на общественное мнение, так как она прежде всего произносилась перед слушателями, т.е. охватывала даже неграмотные слои населения. Политические проповеди, как правило, были приурочены к какому-либо значимому событию: объявление войны, приведение к присяге новобранцев, освящение полкового знамени, победа в сражении, осада крепости, день рождения короля, заключение мира и т.д. Однако чтением проповедей политическая деятельность священников не ограничивалась: они организовывали религиозно-патриотические праздники, приводили к присяге мобилизованных, вели списки боеспособных мужчин, собирали пожертвования для раненых бойцов, солдатских вдов и детей. В умах простых людей пасторы формировали образ «священной войны» против Наполеона, которую Пруссия ведет в союзе с самим Богом, что, учитывая религиозное сознание подавляющего большинства населения, давало хорошую мотивацию браться за оружие и защищать Отечество любой ценой. Особенно стоит отметить благотворительную деятельность прусской протестантской церкви. Духовенство мотивировало гражданское население жертвовать драгоценности и деньги на нужды мобилизованных и их семей. Сбор добровольных взносов являлся неотъемлемой частью любого богослужения. По данным исследовательницы У. Планерт, через систему церковных пожертвований в Пруссии удалось собрать огромную сумму в 6,6 млн талеров³².

Мобилизации прусского общества способствовали и всевозможные символы, патриотические образы и ритуалы. Еще до начала войны, 22 февраля 1813 г., в Пруссии указом Фридриха Вильгельма III была введена национальная кокарда. Она была выполнена в традиционных прусских цветах — черном и белом, ее ношение предписывалось всем мужчинам старше 20 лет, родившимся на территории прусского королевства, независимо от того, состоят они на воинской службе или нет³³. 10 марта 1813 г. Фридрихом Вильгельмом III был подписан указ о создании в Пруссии новой высшей военной награды — Железного креста³⁴. Следует отметить, что им мог быть награжден абсолютно любой солдат, невзирая на его социальное происхождение, в расчет принимались лишь отвага и храбрость на поле боя. Форма креста для награды была избрана не случайно: Фридрих Вильгельм III тяготел к религиозной символике и всегда старался публично демонстрировать свою глубокую набожность. По той же причине и патриотические праздники, устраиваемые в честь побед прусского оружия над Наполеоном, также носили сугубо религиозный характер и в обязательном порядке сопровождались колокольным звоном, чтением проповедей, преклонением колена перед Господом. Начало войны с Францией для пруссаков ознаменовалось крупным религиозным праздником, организованным в Берлине 28 марта, а в провинциальных городах 4 апреля 1813 г. Религиозно-патриотические праздники

³¹ Graf G. Gottesbild und Politik. Eine Studie zur Frömmigkeit in Preußen während der Befreiungskriege 1813–1815. Göttingen, 1993. S. 124–125.

³² Planert U. Der Mythos vom Befreiungskrieg. Frankreichs Kriege und der deutsche Süden: Alltag – Wahrnehmung – Deutung. 1792–1841. Paderborn, 2007. S. 487.

³³ Verordnung wegen Tragens der Preußischen Nationalalkokarde. Vom 22sten Februar 1813 // Gesetz-Sammlung. 1813. S. 22.

³⁴ Urkunde über die Stiftung des eisernen Kreuzes. Vom 10ten März 1813 // Ibid. S. 31–33.

являлись важнейшей частью мобилизационной политики прусского государства: они укрепляли чувство эмоциональной привязанности к прусскому Отечеству, формировали коллективную национально-патриотическую идентичность, внушали уверенность в предстоящей победе.

Патриотические тексты и праздники в первую очередь были нацелены на мобилизацию мужского населения королевства. Они давали мотивацию юношам и мужчинам браться за оружие и идти сражаться за семью, короля и Отечество. Это, однако, не означало, что прусское государство игнорировало женщин. Превращение Пруссии в единый военный лагерь подразумевало и мобилизацию женского населения для нужд государства. Пример подали принцесса Марианна Прусская, супруга принца Вильгельма, младшего брата Фридриха Вильгельма III. 23 марта 1813 г. принцесса Марианна опубликовала манифест «Призыв к женщинам прусского государства», в котором призвала представительниц слабого пола оказать посильную помощь в защите Отечества³⁵. По инициативе принцессы Марианны была создана первая женская патриотическая организация, всего в немецкоязычном регионе Центральной Европы таких организаций было 573, 414 из них в одной только Пруссии³⁶. Они ведали сбором средств для мобилизованных, добровольцев и членов их семей, изготовлением униформ, теплой одежды, перевязочного материала, уходом за ранеными солдатами в лазаретах и госпиталях, помощью семьям погибших. В патриотической литературе подчеркивалось, что все это — прямые обязанности истинной прусско-немецкой женщины. Однако нередки были случаи личного участия женщин в военных действиях. Многие молодые девушки переодевались в мужскую униформу и сражались с врагом на поле боя. «Прусской Жанной д'Арк» называли героически погибшую в 1813 г. Элеонору Прохаску, не меньшую популярность снискала Анна Люринг. Для того чтобы поощрить женщин за их вклад в победу над Наполеоном, 3 августа 1814 г. Фридрих Вильгельм III учредил «дамский» аналог Железного креста — Орден королевы Луизы³⁷. Стоит, однако, отметить, что привлечение женщин к патриотической и благотворительной деятельности на нужды государства и армии, в отличие от военной мобилизации мужчин, считалось исключительным, вызванным условиями войны. Послевоенная активность женщин уже считалась излишней, прусским матерям и женам предписывалось по окончании военных действий вернуться к своим домашним обязанностям. Тем не менее мобилизацию в Пруссии действительно можно считать всеобщей, так как она затрагивала в том числе и женское население королевства.

На протяжении 1813—1815 гг. мобилизация в Пруссии проходила с разной степенью интенсивности. Ее пик пришелся на весну, лето и осень 1813 г., при этом вплоть до битвы под Лейпцигом и распада Рейнского союза прусское правительство активно поддерживало как национально-ориентированную, так и локально-патриотическую пропаганду. После Лейпцигского сражения и взятия Парижа союзными войсками в марте 1814 г. мобилизация была приостановлена, а государственная пропаганда стала носить все более религиозно-монархический характер. Даже возобновление мобилизации во время коротких «Ста дней» Наполеона (март—июнь 1815 г.) ничего радикально не изменило в этом вопросе: прусскому правительству вновь требовались от населения лишь дисциплина и подчинение. За цензуру политических и публицистических сочинений с октября 1813 г. в прусском правительстве отвечал советник Г. Ренфнер, который на регулярной основе докладывал канцлеру Гарденбергу о произведениях, прошедших или не прошедших цензуру. Сочинения, казавшиеся Ренфнеру слишком радикальными, не получали разрешения на публикацию, в том числе отдельные памфлеты Арндта. В письме к канцлеру от 30 апреля 1815 г. Ренфнер докладывал, что ему поступает огромный поток слишком радикальной политической литературы, которая представляет определенную опасность для

³⁵ Aufruf an die Frauen im Preußischen Staat // Vossische Zeitung. 23.III.1813.

³⁶ Heese Th. 1814—1914. Frau und Patriotismus in Osnabrück // Männer. Frauen. Krieg. Krieg und Frieden — eine Frage des Geschlechts? / Hrsg. von C.-H. Bösling, U. Führer, C. Glunz, T.F. Schneider. Osnabrück, 2015. S. 35.

³⁷ Urkunde über die Stiftung des Luisen-Ordens. Vom 3ten August 1814 // Gesetz-Sammlung. 1814. S. 70—71.

стабильности прусского государства. Цензор сообщал: «В нынешних условиях я предоставляю нашим писателям полную свободу слова, они могут требовать мести Наполеону и его сторонникам и высказывать недовольство их правлением, но я не могу одобрить людоедскую ярость против французской нации, требования к союзным войскам не обращать внимания на неуместную мягкость наших правительств по отношению к французам, призывы грабить французскую землю, запугивать жителей Франции бесчестьем, грабежами и разоружениями. Подобные высказывания, выраженные самым грубым языком, противоречат и здоровой политике, и здоровому человеческому рассудку»³⁸. К 1815 г., таким образом, слишком радикальная антифранцузская и национально-патриотическая пропаганда была уже невыгодна прусскому государству.

Эта тенденция наблюдается и в организации общественных праздников. Если в 1813 г. они носили в Пруссии национальный характер, то в 1814–1815 гг. стали доминировать религиозно-монархические тенденции. Ярким примером может служить грандиозное празднование годовщины битвы под Лейпцигом в октябре 1814 г., организованное группой патриотов во главе с Арндтом³⁹. Один из членов этой группы, советник юстиции К. Хоффманн, опубликовал в 1815 г. отчет о проведении немецкого национального праздника в честь победы при Лейпциге в различных немецких государствах⁴⁰. Этот объемный труд в 1146 страниц содержал совсем немного информации о праздновании годовщины в прусских провинциях, где праздник не нашел широкой поддержки со стороны местных властей. С гораздо большим размахом в Пруссии отмечались возвращение добровольцев и солдат Ландвера с фронта в июле–сентябре 1814 г. и день рождения Фридриха Вильгельма III 3 августа 1814 г. Еще более показательным стало отмечание второй годовщины сражений под Лейпцигом в 1815 г. Прусское правительство сознательно перенесло праздник с 16–18 октября на 22 октября и приурочило торжество к 400-летию правления династии Гогенцоллернов в Бранденбурге. «Битва народов», значимое для всех немцев событие национального масштаба, превратилось в 1815 г. в узкий локально-патриотический, религиозно-монархический и династический праздник для жителей прусских провинций. Праздник в честь окончания войны и наступления мира отмечался в Пруссии 18 января 1816 г. и также был приурочен к локальному событию, а именно традиционному Дню коронации курфюрста Фридриха III королем Пруссии (18 января 1701 г.). Очевидно, к концу Освободительных войн прусское правительство все больше стремилось отойти от национальной пропаганды и сконцентрироваться на таких идеях, как династическая лояльность и любовь к прусскому Отечеству.

После окончательной победы над Наполеоном в 1815 г. постепенно началась демобилизация прусского общества. Была значительно ужесточена цензура, стали закрываться многие женские патриотические организации, обострились конфликты между прусским правительством и наиболее рьяными политическими публицистами, такими как Арндт или Гёррес. Значительно сократился поток патриотической литературы, в первую очередь памфлетов, листовок и политической лирики, в ней больше не было необходимости, так как она выполнила свою задачу в рамках военной мобилизации прусского общества. Однако переход к мирной жизни требовал своего символического воплощения и нашел отражение в больших религиозно-патриотических праздниках. Самым крупным стал День поминовения погибших в Освободительных войнах солдат, назначенный правительством на 4 июля 1816 г. В организации праздника вновь решающую роль отводили протестантскому духовенству: каждому пастору предписывалось во время торжественного

³⁸ *Czygan P.* Zur Geschichte der Tagesliteratur während der Freiheitskriege. Bd. II. Leipzig, 1910. S. 240–241.

³⁹ *Düding D.* Das deutsche Nationalfest von 1814: Matrix der deutschen Nationalfest im 19. Jahrhundert // Öffentliche Festkultur. Politische Feste in Deutschland von der Aufklärung bis zum Ersten Weltkrieg / Hrsg. von D. Düding, P. Friedemann, P. Münch. Reinbeck bei Hamburg, 1988. S. 80.

⁴⁰ *Hoffmann K.* Des deutschen Volkes feuriger Dank- und Ehrentempel oder Beschreibung wie das aus zwanzigjähriger französischer Sklaverei durch Fürsten-Eintracht und Volkskraft gerettete Teutsche Volk de Tage der entscheidenden Völker- und Rettungsschlacht bei Leipzig am 18. und 19. Oktober 1814 zum erstenmale gefeiert hat. Offenbach, 1815.

богослужения поименно назвать каждого павшего солдата из своего церковного прихода и кратко сообщить основные даты его биографии, акцентируя особое внимание на героической смерти во имя прусского короля и Отечества. Во всех церквях Пруссии в обязательном порядке выставлялись памятные таблички с именами павших солдат, в том числе и их медали, ордена и другие награды, если таковые имелись. По окончании богослужения собирались пожертвования на нужды инвалидов, вдов и сирот погибших защитников Отечества⁴¹. Демобилизация общества, таким образом, отнюдь не означала предание забвению событий Освободительных войн. Пруссия фактически являлась единственной страной Европы, где по итогам Наполеоновских войн не только была узаконена всеобщая воинская повинность, но и введена практика индивидуального почитания каждого павшего на поле боя солдата, независимо от его социального происхождения. День поминовения 4 июля 1816 г. создавал в Пруссии настоящий пантеон национальных героев, отдавших жизнь ради спасения Родины, и, безусловно, эта мера была нацелена в будущее: вполне вероятно, что от потомков потребуются такие же жертвы, какие были принесены их предками во имя прусского государства.

Военную мобилизацию в Пруссии в 1813–1815 гг. можно считать во всех отношениях успешным проектом. В сравнительно короткий срок прусскому правительству удалось мобилизовать большую массу людей, до этого освобожденную от воинского призыва, а также добиться полной поддержки своих военных целей со стороны прусского общества. Мобилизация носила практически тотальный характер, так как охватывала самые широкие слои населения, предполагалось, что даже прусские женщины должны принести пользу Отечеству в военное время. В ходе мобилизации была налажена чрезвычайно эффективная патриотическая пропаганда, которая сочетала и национальные, и религиозно-монархические идеи с явным доминированием последних. Военная мобилизация задумывалась прусской элитой как чрезвычайное, временное явление, но именно благодаря ей идея персональной воинской повинности для мужчин не только была закреплена на законодательном уровне, но и с легкостью была принята населением Пруссии как неизбежная необходимость. В современной литературе высказывается вполне обоснованное мнение, что Наполеон был разбит на поле боя не благодаря народным восстаниям или массовому вооружению населения, но силами регулярных армий⁴². Действительно, ни одно антифранцузское восстание в Европе не достигло своих целей и не привело к свержению наполеоновского господства, а в самой Пруссии так и не случилось подлинно народной войны против Наполеона. Тем не менее это обстоятельство совсем не обесценивает тех успехов, которых достигло прусское правительство в деле проведения военной мобилизации населения. Фридриху Вильгельму III и его министрам удалось хотя бы на время превратить Пруссию в единый военный лагерь и добиться поддержки подданных в реализации поставленных военных целей. Во многом именно благодаря этой народной поддержке Пруссии удалось не просто победить Наполеона в рамках Шестой и Седьмой коалиций, но также вернуть себе статус великой европейской державы и добиться безоговорочно лидирующих позиций среди всех германских государств. Это обстоятельство позволяет рассматривать Освободительные войны 1813–1815 гг. как ключевое событие в истории прусского государства.

Библиография / References

- Апостолова Т.М.* Военная реформа в Пруссии в эпоху наполеоновских войн (1807–1815 гг.). М., 1994.
Кирилина Л.А. Реформы в Пруссии (1807–1821) // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. 2001. Реформы и реформаторы. М., 2002. С. 41–53.

⁴¹ *Hagemann K.* Umkämpftes Gedächtnis. S. 175–176.

⁴² *Langewiesche D.* Imperium – Nation – Volkskrieg. “1813” in der europäischen Geschichte // Die Völkerschlacht bei Leipzig: Verläufe, Folgen, Bedeutungen. 1813–1913–2013 / Hrsg. von M. Hofbauer, M. Rink. Berlin, 2017. S. 38.

Очерки истории Восточной Пруссии / под ред. Г.В. Кретицина. Калининград, 2002.

Панченко А.А. Восточная Пруссия: 1813 год (к вопросу об освобождении Прусского королевства от наполеоновского господства) // Отечественная война 1812 года и российская провинция. События. Люди. Памятники: материалы Всероссийской научной конференции. Малоярославец, 2004. С. 104–115.

Панченко А.А. От «несчастливой войны» к освобождению от наполеоновского господства: Восточная Пруссия в 1806–1813 гг. Калининград, 2007.

Apostolova T.M. Voennaja reforma v Prussii v jepohu napoleonovskih vojn (1807–1815 gg.) [The Military Reform in Prussia during the Napoleonic Wars of 1807–1815]. Moskva, 1994. (In Russ.)

Kirilina L.A. Reformy v Prussii (1807–1821) [Reforms in Prussia, 1807–1821] // Evropejskij al'manah. Istorija. Tradicii. Kul'tura. 2001. Reformy i reformatory [European Almanac. History. Traditions. Culture. 2001. Reforms and Reformers]. Moskva, 2002. S. 41–53. (In Russ.)

Očerki istorii Vostochnoj Prussii [Essays on history of East Prussia] / pod red. G.V. Kretinina. Kaliningrad, 2002. (In Russ.)

Panchenko A.A. Vostochnaja Prussija: 1813 god: (K voprosu ob osvoboždenii Prusskogo korolevstva ot napoleonovskogo gosподства) [East Prussia, Year 1813. On the Issue of the Liberation of the Prussian Kingdom from Napoleonic Domination] // Otechestvennaja vojna 1812 goda i rossijskaja provincija. Sobytiya. Ljudi. Pamjatniki: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii [Patriotic War of 1812 and the Russian Province. Events. People. Monuments: the Materials of the All-Russian Conference]. Maloyaroslavets, 2004. S. 104–115. (In Russ.)

Panchenko A.A. Ot “neschastlivoj vojny” k osvoboždeniju ot napoleonovskogo gosподства: Vostochnaja Prussija v 1806–1813 gg. [From the “Unlucky War” to the Liberation from the Napoleonic Domination: East Prussia in 1806–1813]. Kaliningrad, 2007. (In Russ.)

An Sachsens Einwohner // Aktenstücke für die Deutschen, oder Sammlung aller officiellen Bekanntmachungen in dem Kriege von 1813. Erstes Heft. Dresden, 1813. S. 10–12.

Brandt B. Germania und ihre Söhne. Repräsentation von Nation, Geschlecht und Politik in der Moderne. Göttingen, 2010.

Czygan P. Zur Geschichte der Tagesliteratur während der Freiheitskriege. Bd. II. Leipzig, 1910.

Das neue Deutschland. Enthaltend größtentheils freimüthige Berichte zur Geschichte der Bedrückung und der Wiederbefreiung Deutschlands. Bd. 1. St. 1. Berlin, 1813.

Deutsche Wehrlieder für das Königlich-Preußische Frei-Corps. Berlin, 1813.

Düding D. Das deutsche Nationalfest von 1814: Matrix der deutschen Nationalfest im 19. Jahrhundert // Öffentliche Festkultur. Politische Feste in Deutschland von der Aufklärung bis zum Ersten Weltkrieg / Hrsg. von D. Düding, P. Friedemann, P. Münch. Reinbeck bei Hamburg, 1988. S. 67–90.

Förster F. Neuere und neueste Preußische Geschichte. Fünfter Band. Berlin, 1866.

Frevert U. Die kasernierte Nation. Militärdienst und Zivilgesellschaft in Deutschland. München, 2001.

Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preußen Staaten. Berlin, 1813.

Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preußischen Staaten. Berlin, 1814.

Graf G. Gottesbild und Politik. Eine Studie zur Frömmigkeit in Preußen während der Befreiungskriege 1813–1815. Göttingen, 1993.

Hagemann K. “Männlicher Muth und deutsche Ehre”. Nation, Militär und Geschlecht zur Zeit der Antinapoleonischen Kriege in Deutschland. Paderborn, 2000.

Hagemann K. Umkämpftes Gedächtnis. Die Antinapoleonischen Kriege in der deutschen Erinnerung. Paderborn, 2019.

Heese Th. 1814–1914. Frau und Patriotismus in Osnabrück // Männer. Frauen. Krieg. Krieg und Frieden – eine Frage des Geschlechts? / Hrsg. von C.-H. Bösling, U. Führer, C. Glunz, T.F. Schneider. Osnabrück, 2015. S. 33–54.

Hoffmann K. Des deutschen Volkes feuriger Dank- und Ehrentempel oder Beschreibung wie das aus zwanzigjähriger französischer Sklaverei durch Fürsten-Eintracht und Volkskraft gerettete Deutsche Volk die Tage der entscheidenden Völker- und Rettungsschlacht bei Leipzig am 18. und 19. Oktober 1814 zum erstenmale gefeiert hat. Offenbach, 1815.

Ibbeken R. Preußen 1807–1813. Staat und Volk als Idee und Wirklichkeit. Köln, 1970.

Kernic F. Krieg, Gesellschaft und Militär. Eine kultur- und ideengeschichtliche. Spurensuche. Baden-Baden, 2001.

Kirchner J. Bibliographie der Zeitschriften des deutschen Sprachgebietes bis 1900. Stuttgart, 1969.

Lachhein S. Der Dichter und Noch Jemand. August von Kotzebues Kampf für die Freiheit // August von Kotzebue. Ein streitbarer und umstrittener Autor / Hrsg. von A. Košenina, H. Liivrand, K. Pappel. Hannover, 2017. S. 233–255.

Langewiesche D. Imperium – Nation – Volkskrieg. “1813” in der europäischen Geschichte // Die Völkerschlacht bei Leipzig: Verläufe, Folgen, Bedeutungen. 1813–1913–2013 / Hrsg. von M. Hofbauer, M. Rink. Berlin, 2017. S. 25–43.

Nieberle S. “Und Gott im Himmel Lieder singt”: Zur prekären Rezeption von Ernst Moritz Arndts Des Deutschen Vaterland // Ernst Moritz Arndt (1769–1860). Deutscher Nationalismus – Europa – transatlantische Perspektiven / Hrsg. von W. Erhart, A. Koch. Berlin, 2007. S. 121–136.

Planert U. Der Mythos vom Befreiungskrieg. Frankreichs Kriege und der deutsche Süden: Alltag – Wahrnehmung – Deutung. 1792–1841. Paderborn, 2007.

Schmidt D. Die preußische Landwehr 1813. Berlin, 1987.

Walter D. Meeting the French challenge. Conscription in Prussia, 1807–1815 // Conscription in the Napoleonic Era. A revolution in military affairs? / eds D. Stoker, F.C. Schneid, H.D. Blanton. New York, 2009. P. 24–45.

Walter D. Preußische Heeresreformen 1807–1870. Militärische Innovation und Mythos der “Roonschen Reform”. Paderborn, 2003.

Wolfes M. Öffentlichkeit und Bürgergesellschaft. Friedrich Schleiermachers politische Wirksamkeit. T. 1. Berlin, 2004.